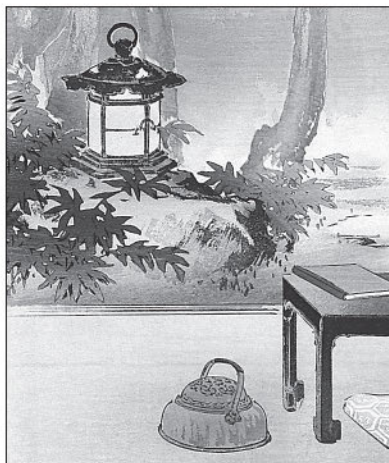

*Посвящается Шевалье, всегда,
и моим мертвецам*

НА КРЫШЕ АДА

1

Рассказывают, будто в Древнем Китае, во времена правления династии Сун Северного периода¹, один князь каждый год приказывал высаживать поляну из тысячи пионов, головки которых в первые летние дни колыхались под ветерком. На протяжении шести дней, сидя на галерее деревянной беседки, где он имел обыкновение любоваться луной, время от времени выпивая чашечку светлого чая, князь смотрел на тех, кого называл своими девочками. На рассвете и на закате он прохаживался по поляне.

¹ *Империя Сун* — государство в Китае (960–1279), чья история делится на Северный период, когда столица была на севере, и Южный период, когда вследствие войны был захвачен императорский дом и только сыну монарха удалось бежать и основать новую столицу на юге. (*Здесь и далее примеч. перев.*)

В начале седьмого дня он приказывал начинать избиение.

Слуги укладывали убитых красавиц со сломанными стеблями головками к востоку до тех пор, пока на поле не оставался один-единственный цветок, развернувший лепестки навстречу первым дождям муссона.

Следующие пять дней князь пребывал там, попивая темное вино. Вся его жизнь сводилась к этим двенадцати оборотам вокруг солнца; весь год он думал только о них; когда они проходили, он возносил молитву о смерти. Но часы, посвященные выбору той единственной, с которой он ждал наслаждения безмолвным уединением, совмещали столько жизней в одной, что он не видел особой жертвы в месяцах траура.

Что он чувствовал, глядя на выжившую? Печаль, подобную сверкающему драгоценному камню, к которой примешивались вспышки счастья столь чистого, столь пронзительного, что у него изнемогало сердце.

Поляна тысячи пионов

Когда Роза пробудилась и, осмотревшись, поняла, где находится, она увидела алый пион с насупленными лепестками. Что-то промелькнуло в ней, вея ароматом сожаления или улетевшего счастья. Обычно эти внутренние движения царапают сердце, прежде чем исчезнуть, как сон, но иногда преобразенное время наделяет разум новой ясностью. Именно это ощутила тем утром Роза лицом к лицу с пионом, который выпростал свои золотистые тычинки из изысканной вазы. На мгновение ей показалось, что она может до бесконечности оставаться в этой голой комнате, созерцать цветок и чувствовать, что она *существует*, как никогда. Она оглядела та-тами, бумажные перегородки, выходящее на переплетения ветвей под солнцем раскрытое окно, обиженный пион; наконец, как встреченную накануне незнакомку, оглядела саму себя.

Вечер вспомнился вспышками — аэропорт, долгая дорога в ночи, прибытие, освещенный фонариками сад, стоящая на

колених на приподнятом дощатом настиле женщина в кимоно. Слева от раздвижной двери, через которую она вошла, возносящиеся из вазы с темными гранями ветки летней магнолии поток за потоком впитывали свет. Будто переливчатая вода дождем падала на цветы; тени на стенах мерцали, вокруг царила темнота — странная, трепещущая. Роза различала в ней матовые перегородки, плоские камни, ведущие к высокому полу, тайных духов; целую жизнь сумерек, пронизанную вздохами.

Японка отвела Розу в спальню. В соседней комнате поднимался пар от большой купели из гладкого дерева. Роза скользнула в обжигающую воду, удивленная скудостью убранства этой влажной и тихой крипты, ее деревянной отделкой, чистотой ее линий. Выйдя из ванны, она облачилась в кимоно из легкого хлопка, будто проникая в святилище. С тем же необъяснимым трепетом она улеглась меж простыней. Потом все исчезло.

В комнату деликатно постучали, и дверь с шелестящим звуком скользнула вбок. Маленькими точными шажками вошла

вчерашняя женщина с подносом и поставила его перед окном. Произнесла несколько слов, отступила плавным текучим движением, опустилась на колени, поклонилась, прикрыла дверь. Воспоминание о ее кристальном голосе с надтреснутой ноткой в конце фразы зазвенело в воздухе, как гонг. В тот момент, когда женщина уже почти исчезла, Роза увидела, как дрогнули опущенные веки, и поразилась красоте ее коричневого кимоно, перепоясанного расшитым розовыми пионами оби.

Она придирчиво рассмотрела незнакомые блюда, чайник, мисочку с рисом; любое собственное движение казалось ей кощунством. В голой раме окна с раздвижным стеклом и бумажной ширмой она видела трепещущие резные листья клена, а за ними более широкую панораму. Там, меж берегов, заросших дикими травами, текла река, а по обеим сторонам ее каменистого ложа вдоль песчаных отмелей шли аллеи кленов и вишневых деревьев. На мелководе в ленивых водах стояла серая цапля. Картину завершали легкие облака — знак хорошей погоды. Ее поразила

притягательная сила бегущей воды. Где я? — подумала она, и, хотя знала, что это город Киото, ответ ускользнул, как тень.

Снова постучали.

— Да? — сказала она, и дверь открылась.

Вновь появился пояс с пионами; на этот раз коленопреклоненная женщина сказала ей:

— *Rose san get ready?*¹ — и указала на дверь ванной.

Роза покачала головой. Что я здесь делаю? — спросила она себя, и, хотя знала, что приехала услышать завещание отца, ответ снова ускользнул. В просторном и пустом приделе ванной рядом с зеркалом высушал на воздухе, как только что написанная картина, белый пион с чуть тронутыми алой тушью лепестками. Утренний свет, льющийся в разграфленный бамбуковой рамой проем, отбрасывал светлячков на стены, и в его обманчивых переливах ей на мгновение показалось, будто она в соборе. Она оделась, вышла в коридор, свернула направо, уткнулась в запертую

¹ Роза-сан готова? (англ.)

дверь, двинулась обратно, следуя ломаными линиями пола и бумажных переборок. За очередными поворотом стены превратились в перегородки из темного дерева, на которых различались раздвижные панели, потом, за другим поворотом, она оказалась в большой комнате, в центре которой жил клен. Его корни уходили в бархатистые складки мха; прильнувший в стволу папоротник соседствовал с каменным фонарем; вокруг бежала застекленная галерея, открытая небу. В частичках раздробленного мира Роза видела деревянный пол, низкие сиденья, лаковые столики, а справа, в большой глиняной вазе, композицию из ветвей с неизвестными листочками, трепещущими и легкими, словно феи; но дерево пронзало пространство разрывом, куда низвергались ее ощущения, и Роза чувствовала, что оно влечет ее к себе, как магнитом притягивая дыхание, превращая ее тело в куст с перешептывающимися ветвями. Через несколько мгновений она стряхнула с себя чары, перешла на другую сторону внутреннего сада, где большие застекленные рамы выходили на реку, и сдвинула одну из панелей, бесшумно скользнувшую по

деревянными пазам. Вдоль заросших вишневыми деревьями берегов, сквозь биеие пространства-времени мчались утренние бегуны, и Розе захотелось раствориться в их беге без прошлого и будущего, без связующих звеньев и истории; захотелось стать лишь движущейся точкой в потоке времен года и гор, потоке, который несетя сквозь города и катится до океана. Она выглянула наружу. Дом стоял на небольшой возвышенности, над песчаной аллеей, виднеющейся сквозь ветви деревьев. На другом берегу — такая же песчаная аллея, те же вишневые деревья, те же клены, а еще дальше нависающие над рекой улицы и другие дома — город. И наконец, закрывая горизонт, волнистые холмы.

Она вошла в святилище дерева. Японка ждала ее.

— My name Sayoko¹, — сказала она.

Роза кивнула.

— Rose san go for a stroll?² — спросила Сайоко.

Потом, чуть покраснев, добавила со странным акцентом:

¹ Меня зовут Сайоко (англ.).

² Роза-сан идти гулять? (англ.)

— Прогулка?

И снова в конце фразы призывк зашнувшейся ноты, и перламутровые веки как раковина.

Роза заколебалась.

— The driver outside¹, — сказала Сайоко. — Wait for you².

— O, — ответила Роза, — all right³.

Она почувствовала какую-то тревогу, а дерево позади Сайоко снова позвало ее к себе, странное и обольстительное.

— I forgot something⁴, — бросила она и убежала.

В ванной комнате она оказалась перед белым пионом с кровавым ободком на белоснежных лепестках. «*Hyoten*»⁵, — прошептала она. Постояв мгновение, она взяла полотняную шляпу, покинула святилище тишины и воды и направилась в прихожую. При свете дня цветы магнолии вились, словно бабочки. Как они так делают? — раздраженно подумала она. Перед домом ей поклонился вчерашний шофер

¹ Шофер снаружи (*англ.*).

² Ждет вас (*англ.*).

³ Хорошо (*англ.*).

⁴ Я кое-что забыла (*англ.*).

⁵ По-японски произносится «Хёутэн», название сорта пионов, другое значение — точка замерзания.

в черном костюме и белой фуражке. Почтительно придержал дверцу и мягко захлопнул ее. В зеркальце заднего вида она рассмотрела щелочки его глаз — тонкие полоски, нанесенные штрихами черной туши, моргающие, не открывая радужки, и, как ни странно, ей понравилась эта неразличимая глубина взгляда. Через несколько мгновений он улыбнулся ей детской улыбкой, осветившей его восковое лицо.

Они проехали через мост и по другому берегу двинулись к дальним возвышенностям. Она открывала для себя город в неразберихе бетона, электрических проводов и неоновых вывесок; то тут, то там очертание храма терялось в болоте уродства. Холмы приближались, начинались кварталы частных вилл, и наконец они выехали на окаймленный вишневыми деревьями берег канала. Они оставили машину внизу заполненной лавочками улицы, где толпились туристы. Поднявшись по ней, прошли через деревянный портал.

— Silver pavilion¹, — сказал шофер.

Она удивлялась эфемерности его присутствия — он словно отрекался от само-

¹ Серебряный павильон (англ.).

го себя, полностью нацеленный на нее, на удовлетворение ее интересов. Она улыбнулась ему, он едва заметно кивнул в ответ.

Здесь начинался древний мир деревянных домов с серыми черепичными крышами. Перед ними из квадратов мха росли высокие странные сосны; выложенные камнями дорожки вились между полосами серого песка, по которым были проведены граблями параллельные линии, кое-где перемежавшиеся азалиями. Они прошли через ворота, ведущие в главные сады. Справа на берегу пруда старый павильон словно готовился взлететь, завершив взмах своих выгнутых крыш, и у Розы мелькнуло тревожное чувство, будто он дышит, будто органическая жизнь укрылась в его не имеющих возраста стенах и галереях, в его затянутых белой бумагой проемах, бросающих в воду молочные вытянутые отражения. Напротив него возвышался большой песчаный холм с ровной, словно срезанной вершиной, слева брала начало широкая полоса того же песка, исчерченная параллельными бороздами и своей волнообразной оконечностью выплески-

вающаяся на берег. Если взглянуть на все в целом, сначала глаз выхватывал минеральный поток, затем — подобие горы с плоской вершиной и домик с крылатой кровлей; дальше — пруды с ртутной водой, сосны в форме взлетающих птиц и еще несколько азалий; повсюду, окруженные светлым стелющимся мхом, глубоко вросли в берега столетние камни. И наконец начинались сады, идущие до эспланады, где собиралась толпа посетителей. Между нею и Розой в лавине кружевных листьев струились высаженные ступенями вдоль склона клены.

Столько красоты, минеральность, дерево — она чувствовала, как все это пьянит ее; все для нее было оцепенением, все было перенасыщено; я не могу пережить это еще раз, сказала она себе в усталости и страхе. Но сразу же добавила: здесь что-то есть. Ее сердце забилось, она поискала глазами, где можно присесть. *Как в стране детства.* Она прислонилась спиной к деревянной галерее главного здания; взгляд остановился на одной из азалий; ужас и ликование, внушенные сиреневыми лепестками,

СОДЕРЖАНИЕ

На крыше ада	7
Глядя на цветы	131